

А.М. Волков, Р.М. Сейткалиев

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗРАБОТИЦА
И БЕЗУСЛОВНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД¹**

***Аннотация.** В последнее время в научно-экспертных кругах одной из наиболее дискуссионных тем стали перспективы имплементации безусловного базового дохода в контексте разворачивающихся на наших глазах технологических изменений. Необходимость введения безусловного базового дохода все чаще связывают с четвертой промышленной революцией и ее достижениями, представленными роботизацией, «цифровизацией» экономики, разработкой искусственного интеллекта и т.д., что, по мнению ряда ученых, влечет за собой массовую технологическую безработицу. В работах экономистов-«алармистов» – Л. Саммерса, Г. Фелдманна, М. Форда, И. Фрея, М. Осборна и многих других ученых – прогнозируется отмирание множества профессий и замещение работников машинами. Их противники считают, что современные инновации, напротив, ведут к краткосрочным всплескам технологической безработицы и к увеличению занятости в долгосрочном плане. В работах ряда исследователей доказывается, что в настоящее время влияние роботизации на рынок труда остается относительно небольшим, причем оно не является однозначным и может способствовать как сокращению числа рабочих мест, так и их увеличению. В конечном счете предполагается, что четвертая промышленная революция ведет к нарастающему вытеснению работников машинами и повышению уровня технологической безработицы, однако этот процесс идет не прямолинейно, а волнообразно, растягивается на длительное время и будет сопровождаться существенным изменением спроса на рабочую силу. Отсюда следует, что концепция безусловного базового дохода не требует немедленной реализации, но ее, возможно, придется применить на практике в будущем, когда технологическая безработица станет для этого необходимым и достаточным основанием.*

***Ключевые слова:** технологическая безработица; безусловный базовый доход; четвертая промышленная революция; занятость; прекариат; информационные технологии; автоматизация.*

1. Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Концепция безусловного основного дохода и перспективы ее реализации в условиях новых социальных и технологических вызовов» (проект №19-010-00416) в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Алексей Михайлович Волков – кандидат экономических наук,
заведующий сектором экономики европейских стран
Центра европейских исследований, Национальный
исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.
Россия, Москва.
E-mail: volkov@imemo.ru

Роман Максutowич Сейткалиев – младший научный сотрудник
Центра европейских исследований, Национальный
исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.
Россия, Москва.
E-mail: seytkaliev_roman@mail.ru

Volkov A.M., Seytkaliev R.M. Technological unemployment and universal basic income

***Abstract.** Recently, in scientific and expert circles, the prospects for implementing an unconditional basic income in the context of technological changes have become one of the most debatable topics. The need to introduce an unconditional basic income is increasingly associated with the fourth industrial revolution and its achievements, represented by robotization, «digitalization» of the economy, the development of artificial intelligence, etc., which, according to some scientists, entails massive technological unemployment. In the works of economists-«alarmists» – L. Summers, G. Feldmann, M. Ford, I. Frey, M. Osborne and some other scientists – the demise of many professions and the replacement of workers by machines are predicted. On the contrary, their opponents believe that modern innovations lead to short-term surges in technological unemployment and increased employment in the long term. In the works of some researchers, it is argued that the current impact of robotization on the labor market remains relatively insignificant. Nevertheless, it is not unambiguous and can contribute to both the reduction in the number of jobs and their increase. Ultimately, it is assumed that the fourth industrial revolution will lead to an increasing displacement of workers by machines and an increased technological unemployment level. However, this process does not proceed straight, rather in undulating, stretching over a long time, accompanied by a significant change in the demand for labor. Hence, the concept of a universal basic income does not require immediate implementation, but it may have to be applied in practice in the future when technological unemployment becomes a necessary and sufficient basis for this.*

***Keywords:** technological unemployment; unconditional basic income; the fourth industrial revolution; employment; precariat; information technology; automation.*

Volkov Alexej Michaylovich. – Ph.D. in Economics,
Head of the European Economy Sector, Center for European Studies,
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO).
Russia, Moscow.
E-mail: volkov@imemo.ru

Seytkaliev Roman Maksutovich – Junior Researcher,
Center for European Studies, Primakov National Research
Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO).
Russia, Moscow.
E-mail: seytkaliev_roman@mail.ru

Перспективы четвертой промышленной революции и технологической безработицы

В последние годы необходимость введения безусловного основного дохода чаще всего связывают с четвертой промышленной революцией («революцией роботов») и ее достижениями, представленными роботизацией, автоматизацией, «цифровизацией» экономики, разработкой искусственного интеллекта и т.д. По мнению ряда ученых, это влечет за собой массовую технологическую безработицу, т.е. потерю рабочих мест, вызванную технологическими изменениями.

Пока окончательных результатов весьма разрекламированной четвертой промышленной революции еще нет, они только ожидаются. Дело в том, что предыдущие три промышленные революции (создавшие паровые машины, электричество и двигатели внутреннего сгорания, компьютеры) сначала принесли результаты, а лишь потом были названы «революциями». Современные происходящие технологические изменения зачастую рассматриваются как отдаленные последствия предыдущей, третьей промышленной революции [см., например: Gordon, 2016].

Сам термин «технологическая безработица» (безработица, связанная с вытеснением людей машинами) был введен в научный оборот еще в 1930-х годах Дж.М. Кейнсом. По ходу развития экономики три раза возникали опасения по поводу появления технологической безработицы: первый – в период индустриализации в Англии в XIX в., второй – во время автоматизации производства в 1960-х годах, третий – с началом компьютерной революции в 1990-х годах. Однако этого не происходило и уже довольно скоро об этом забывали.

Предыдущие глобальные изменения в мировом производстве не привели к увеличению бедности и не сократили рабочие места. Произошло исчезновение на рынке труда некоторых профессий, а также появилась краткосрочная безработица, необходимая для переквалификации на новые рабочие места.

Первые три промышленные революции были основаны на энергии пара, электричества и электроники соответственно. Четвертая – будет базироваться на результатах электротехнической революции, дальнейшем развитии информационных технологий, Интернете, киберсетях и их автономном обучении

и интеграции производственных процессов. Сторонники наступления четвертой промышленной революции говорят о характерных ее чертах, находящихся свое выражение в скорости (экспоненциальный рост развития), масштабах (изменения затронут каждую область производства) и влиянии систем (трансформация всех отраслей производства).

Промышленные революции прошлого стали отражением не только технических достижений, но и совокупности изменений в мировом хозяйстве. В настоящее время мировая экономика характеризуется снижением времени вывода продуктов на рынок, сокращением жизненного цикла продукта и необходимостью уменьшения расходов для увеличения конкурентоспособности. Автоматизация может запустить обратный процесс переноса производства из стран с низкой оплатой труда, так как комплектование «умных заводов» делает более выгодным близкое размещение к рынкам потребления, чем обратная доставка готовой продукции, что, в частности, устраняет риски остановки производства в случае закрытия границ. Наступление эры автоматизации и машинного обучения может сместить акценты с занятости на новые технологии производства, которые снизят трудоемкость и затраты на производство.

В пользу возможного возникновения технологичной безработицы свидетельствует внедрение новых технологий. С 2012 по 2018 г. в США было инвестировано 646 млрд долл. в новые технологии четвертой промышленной революции: облачное хранение, автоматизацию, интернет-вещей, 3D-принтеры, дроны, блокчейн, квантовые компьютеры [PWC, 2018]. В исследовании «Роботы и рабочие места: данные о рынке труда в США» проанализировали влияние роста использования промышленных роботов на развитие рабочих мест и заработной платы. В исследовании показано, что один робот на тысячу рабочих снижает отношение занятости к численности населения примерно на 0,18–0,34%, а заработную плату – на 0,25–0,5% [Acemoglu, Restrepo, 2020].

Мнения научного и экспертного сообществ по вопросу технологической безработицы

Концепция четвертой промышленной революции была сформулирована на основе доклада Industry 4.0, представленного правительству Германии в 2011 г. и посвященного более эффективному применению новых информационных технологий в промышленности. Активным популяризатором термина четвертой промышленной революции стал Клаус Шваб, президент Всемирного экономического форума. В 2016 г. он сделал ее основной темой форума в Давосе, где эксперты описали четвертую промышленную революцию как появление «киберфизических систем», включающих совершенно новые возможности для людей и машин.

Клаус Шваб прогнозирует существенное повышение технологической безработицы в предстоящие десятилетия и снижение занятости в определенных секторах [Шваб, 2016]. Глобализация и офшоризация теперь считаются не единственными причинами роста безработицы. В 2014 г. «Financial Times» отмечала, что влияние инноваций на рабочие места стало господствующей темой в современных экономических дискуссиях. Опасения вызывают сокращение во всем мире занятости в обрабатывающей промышленности, а также продолжительное снижение оплаты труда низко- и среднеквалифицированных рабочих.

Относительно последствий технологической безработицы специалисты делятся на две группы. Оптимисты считают, что инновации могут приводить к нарушению функционирования рабочих мест в краткосрочной перспективе, но различные компенсирующие эффекты позволяют избежать долгосрочных негативных последствий для рабочих мест. Пессимисты или «алармисты» считают, что при некоторых обстоятельствах новые технологии могут привести к продолжительному спаду в общей численности работников в сфере занятости. Особенно много исследований этой проблемы проведено именно представителями последнего направления, особенно в США и Великобритании.

В работах экономистов-«алармистов» прогнозируется отмирание множества профессий и замещение работников машинами. Автоматизация в массовом порядке начнет вытеснять людей из производства. Миллионы рабочих мест будут заменены искусственным интеллектом. «Пессимисты» считают, что мир вступает в эпоху беспрецедентно высокой технологической безработицы и в ближайшие 10–15 лет отомрет около половины всех существующих рабочих мест, причем работникам, которые их занимали, уже никогда не удастся вернуться на рынок труда [Frey, Osborne, 2013]. В 2013 г. экономист Карл Фрай предполагал, что 47% рабочих специальностей находятся под угрозой исчезновения из-за высокой вероятности замены их функций роботами. Банк Англии в 2015 г. предсказал, что 35% рабочих имеют высокий риск потерять работу при наступлении эры роботизации. Видный американский профсоюзный деятель Э. Стерн утверждал, что 58% всех рабочих мест будут в конечном счете автоматизированы [Stern, 2017]. Утверждается, что люди не будут успевать переучиваться на новые специальности, пополняя армию безработных [Ford, 2015] и что скоро само понятие «работа» уйдет в прошлое и все будут делать «умные машины» [Summers, 2013]. Следствием этого станет создание огромного нового «беспольного класса», который будет не просто незанятым, но который и не будет способен быть занятым [Nagari, 2017]. Подобные сценарии будущего предполагают вытеснение человека, однако они строятся на анализе уже существующих рабочих мест и не рассматривают возможное создание новых видов профессий [Morgan, 2019]. Тем не менее подобные доклады стали отправной точкой для создания предпринимательским сообществом и государством альтернативной реальности будущих технологических изменений.

Кроме того, считается, что технологическая революция серьезно усилит неравенство на распределение доходов, вызванного разрывом между отдачей на капитал и на труд в автоматизированном обществе, поскольку основными бенефициарами будут являться мощные компании и их собственники, новаторы, инвесторы и высококвалифицированные работники. Низкоквалифицированные работники и работники средней квалификации столкнутся с сокращением объема не только работы, но и заработной платы [Schwab, 2016]. Это произойдет намного быстрее, чем исчезнет работа для людей. Существуют, впрочем, и мнения, что это будет первая технологическая революция, которая создаст больше рабочих мест, хотя и будет приводить к их исчезновению и замене [Standing, 2016].

Важное значение имеет и сокращение продолжительности рабочего дня или недели. Действительно, в настоящее время благодаря роботизации и новым технологиям роль работника в процессе производства заметно уменьшилась без ущерба для качества и количества производимой продукции. Еще в 1929 г. Дж.М. Кейнс выступил с утверждением, что следующим поколениям из-за развития техники придется работать не более 15 часов в неделю. В 2000 г. Э. Раух заявил, что в ближайшем будущем работнику потребуется не более 11 часов на выполнение работы своего коллеги из 1950 г., который затрачивал на это 40 часов. Некоторые предприниматели провели успешные эксперименты с сокращением рабочего дня до пятичасового – с 8 до 13 часов – и по переходу на шестичасовой рабочий день. В последнее время звучат и предложения сократить количество рабочих дней в неделю. Так, в своем выступлении на Международной конференции труда в Женеве в июне 2019 г. бывший премьер-министр России Дмитрий Медведев также высказался за введение в стране четырехдневной рабочей недели, что, правда, не вызвало какого-либо ажиотажа у российских предпринимателей, хотя в Нидерландах люди привыкли трудиться 29 часов в неделю, а в Германии – 35 часов. По данным ВЦИОМа, 48% россиян настороженно отнеслись к идее радикального уменьшения рабочего времени («платить будут как за четыре, а требовать – как за пять») и лишь 29% одобрили возможное нововведение, которое может скорее вызвать сокращение оплаты труда. В марте 2021 г. в Испании было объявлено, что будет проведен эксперимент сроком на три года с четырехдневной рабочей неделей в некоторых компаниях, где продолжительность рабочей недели будет снижена с 40 до 32 часов.

Предполагается также увеличение нестандартной занятости («прекариата»), к которой относятся все те, кто работает без официального оформления бессрочных трудовых контрактов на полное рабочее время. Это самозанятые, частично занятые, занятые по контрактам на определенный срок, случайные работники и т.д. Нестандартные рабочие места менее надежны и хуже защищены и, следовательно, не гарантируют ни стабильной занятости, ни ста-

бильного дохода. Судя по всему последствием технологического прогресса, глобализации и «гибких» рынков труда станут резкое уменьшение «хороших» и заметное расширение «плохих» («прекариатных») рабочих мест, не связанных ни с какими формами социального страхования или социальной защиты. В результате миллионы людей лишатся устойчивой занятости, стабильного дохода и защиты от различных рисков [Standing, 2011].

Противники «алармистов» скептически относятся к перспективам «безработного» будущего. Они считают, что современные инновации, напротив, ведут к краткосрочным всплескам технологической безработицы и к увеличению занятости в долгосрочном плане. При этом анализировались различные рыночные компенсационные механизмы. В работах ряда исследователей доказывается, что в настоящее время влияние роботизации на рынок труда остается относительно небольшим, причем оно не является однозначным и может способствовать как сокращению числа рабочих мест, так и их увеличению. Лишь немногие рабочие места могут быть полностью автоматизированы. Так, эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считают, что к числу «рискованных» рабочих мест можно отнести лишь 9% занятости в развитых странах [Amtz, Gregory, Zierahn, 2016]. В связи с тезисом о вероятном исчезновении половины рабочих мест и профессий американский экономист Дж. Бессен подсчитал, что из почти 300 профессий, существовавших в США в 1950 г., к 2010 г. по причине автоматизации исчезла всего одна – операторы лифтов после оснащения лифтовых кабин автоматическими дверями [Bessen, 2016].

Внедрение новых технологий не обязательно будет уменьшать число рабочих мест в экономике. Противоречивое влияние инноваций на занятость было подробно рассмотрено в статьях российского исследователя Р.И. Капелюшникова, где показано, что ничто не указывает на ожидающее нас в ближайшем будущем резкое ускорение технического прогресса и нет смысла ожидать резкого скачка технологической безработицы. В свою очередь резкое ускорение темпов роста производительности труда, как показывает экономическая история, сопровождается не уменьшением, а увеличением числа рабочих мест [Капелюшников 2017; Капелюшников 2020]. В докладе о мировом развитии Всемирного банка за 2019 г. утверждается, что в то время как автоматизация вытесняет работников, технологические инновации создают больше новых отраслей и рабочих мест.

Между прочим, процесс роботизации идет уже примерно полвека (например, в автомобилестроении), но заметного его воздействия на технологическую безработицу не видно. В конечном счете предполагается, что четвертая промышленная революция приведет к нарастающему вытеснению работников машинами и повышению уровня технологической безработицы, однако этот процесс будет идти не прямолинейно, а волнообразно, будет растягиваться на длительное время и сопровождаться существенным изменением спроса на рабочую силу.

Отношение сторон рынка труда к технологической безработице

Опросы наемных работников показывают, что подавляющее большинство оптимистично смотрят в будущее и уверены, что к моменту повсеместной автоматизации появятся платформы обучения, чтобы удовлетворить широко распространенные потребности [Rainie, Anderson, 2017]. Опрос порядка 2 тыс. экспертов показал практически равное разделение мнений по вопросу о создании технологиями большего количества рабочих мест, чем они могут вытеснить. 48% экспертов сказали, что технологии четвертой промышленной революции сократят количество рабочих мест, а 52% опрошенных заявили, что увеличат [Smith, Anderson, 2014]. Среди аргументов о сокращении рабочих мест приводятся три главные: 1) автоматизация сокращает рабочие места и так будет и впредь; 2) занятость гарантирована только некоторому числу высококвалифицированных специалистов; 3) отсталость образовательной системы для полноценного ответа на потенциальную угрозу масштабной безработицы.

Сторонники сохранения и увеличения занятости посредством внедрения новых технологий приводят следующие доводы: 1) вытеснение рабочих мест будет компенсироваться созданием многих других; 2) мир не стоит на месте и человечество сможет адаптироваться к изменениям; 3) технологии освободят человека и создадут новый баланс в отношении человек – работа, где человек будет бенефициаром; 4) выбор человека будет определять степень его отрыва от работы [Smith, Anderson, 2014].

Вполне возможно, что государство не сможет полномасштабно и быстро помочь рабочим, и тогда у компаний будет ограниченный запас времени, чтобы ответить на возникающие вопросы о будущей занятости. Согласно опросу «Deloitte», в 2017 г. немногие работодатели (12%) задумывались о развитии сотрудников и их обучении на протяжении всей жизни. В 2018 г. уже 43% руководителей задумались об определенной ответственности за подготовку своих сотрудников к возможным изменениям, чтобы помочь им устроиться в будущем, а в 2019 г. – уже 74%. Однако только 20% руководителей согласны с тем, что их компании готовы к изменениям. Обеспокоенность по поводу такой готовности особенно остро стоит среди сотрудников из Азии и Америки, где, согласно опросам, к ним готовы только 4% и 9% соответственно. Важный вопрос, который стоит перед работодателями, заключается в том, какие навыки будут востребованы в будущем. Опрос показывает, что число компаний, которые пришли к пониманию занятости будущего, на 10% больше, чем годом раньше. Более половины сообщили, что инвестиции в обучение навыкам становятся главным приоритетом компаний. Стратегия компаний состоит в том, чтобы сделать человеческий капитал менее уязвимым. Среди навыков ключевыми стали способность к обучению новому и мотива-

ция, а не специализированные знания. Главным активом работников будущего станет гибкое мышление и способность подстраиваться под изменения.

Однако сокращение рабочих мест может не коснуться мира будущего. Одним из вариантов борьбы с безработицей может стать упрощенное трудоустройство, минуя бюрократические требования наличия сертификатов, чтобы наблюдать за работником уже в трудовом процессе. Технологические навыки некоторых людей, например в области информационных технологий и робототехники, настолько востребованы, что смогут выбрать работу в качестве рабочих, где они могут получить более высокую зарплату. А учитывая, что все большее количество квалифицированных людей в сфере высоких технологий работают на контрактной основе, в будущем их количество будет только возрастать из-за краткосрочности отношений и постоянного обучения. Процесс обучения будет осуществляться на рабочем месте. С этим согласны половина опрошенных руководителей, заявивших, что могут значительно увеличить количество рабочих мест для обучения в следующие пять лет [Deloitte insights, 2020].

Сотрудникам будущего придется работать больше и отвечать за большее количество процессов. Им необходимо будет приобретать новые навыки, чтобы быть готовыми к большому объему виртуальной работы. Сотрудник будет обязан широко понимать производственные процессы, решать стратегические задачи и действовать как предприниматель, т.е. брать на себя ответственность и риски. Потребность в более инновационных продуктах будет дополняться необходимостью определения источников ошибок и улучшения внутренних процессов. Для компании особенную ценность будут представлять сотрудники, знакомые с особенностями рабочего процесса и вместе с тем обладающие навыками программирования. Информационные технологии не сразу смогут задать высокую планку предоставления услуг и разрешать конфликты. Такие важные вещи, как понимание культур и рабочих привычек при работе с глобальными потребителями, будут также в ведении работника. Обязательным станет структурирование и изучение больших объемов данных. Кроме того, хранение больших объемов данных будет требовать от работников дополнительных знаний в области кибербезопасности [Hecklaue, Galeitzkea, Flachsa, Kohlb 2016. p. 1–6].

Позиции различных стран по вопросу внедрения технологий четвертой промышленной революции схожи в стремлении воплотить их как можно быстрее, поскольку от этого зависит конкурентоспособность страны и альтернативы этому процессу нет.

Высокая вероятность наступления четвертой промышленной революции вряд ли вызовет превентивные меры со стороны государств, поскольку государство традиционно решает проблемы, когда они встанут в полный рост, прибегая к жестким мерам фискальной политики, основанной на стремлении к бюджетной экономии.

Можно предположить, что государство, сознавая тяжесть социальных потрясений в связи с потерей работы, будет дотировать производителей, чтобы они сохраняли рабочие места. Стратегия государства в таком случае должна предполагать создание институтов, облегчающих переподготовку в течение всей жизни, и денежно-кредитных вложений на время обучения. Вытеснение рабочих и сокращение заработной платы невыгодно в глобальном и национальном масштабах, поскольку снизится платежеспособность населения, из-за чего государство будет следить, чтобы количество рабочих мест не сокращалось.

Государство сосредоточится на трансформации системы образования и обучения, чтобы как можно дольше помогать людям оставаться трудоспособными. И в этом помогут последние достижения технологий четвертой промышленной революции, так как они предложат новые и потенциально более доступные способы получения образования.

Безусловный базовый доход: за и против

Безусловный (универсальный или всеобщий) базовый (основной) доход – социальная концепция, предполагающая регулярную выплату определенной суммы денег каждому члену определенного сообщества со стороны государства или другого института. При этом выплаты производятся всем членам сообщества вне зависимости от уровня дохода и без необходимости выполнения работы [подробнее о базовом доходе см., например: Standing 2017]. Эта идея существует уже давно и имеет множество вариантов.

В связи с предполагаемым ростом технологической безработицы и отсутствием работы в будущем звучат многочисленные требования немедленно приступить к практической реализации идеи безусловного универсального дохода [см.: Ford 2015; Srnicek, Williams 2015; Mason 2015]. Говорится о том, что нужно срочно вводить систему безусловного дохода, чтобы новому неработающему классу было на что жить. Это считается единственным путем спасения. Среди тех, кто обосновывает необходимость скорейшего перехода к безусловному базовому доходу ссылками на последствия четвертой промышленной революции – Б. Гейтс, И. Маск, М. Цукерберг и др. Даже ведущие экономисты Международного валютного фонда выступают за введение базового дохода, финансируемого за счет налогообложения капитала, из-за увеличивающегося неравенства, вызванного новой технологией [Berg, Buffie, Zanna, 2016]. А. Вуд считает, что уменьшение рабочей недели потребует серьезных системных изменений, в частности в налогообложении, введения безусловного базового дохода и перераспределения благосостояния. По мнению Э. Мак-Гогея, в рамках новой государственной социальной политики базовый доход станет абсолютно нормальным явлением, а те, кто захочет заниматься творче-

ским трудом, будут получать всяческие преференции. При этом базовый доход был бы средством, при помощи которого все могли бы извлечь выгоду из экономических доходов в результате технологического прогресса.

Сторонники внедрения безусловного базового дохода утверждают, что он является решением проблем бедности, технологической безработицы, неравенства, экономической безопасности и неопределенности, ловушек прекариата, что он приведет к созданию «хорошего общества», снизит уровень преступности, затраты на здравоохранение, так как у людей станет больше возможностей следить за своим здоровьем, снизятся затраты на администрирование социальных программ, так как не нужно будет проверять на соответствие критериям предоставления помощи, что позволит людям заниматься тем, чем они хотят, а не тем, что требует рынок. В итоге восторжествуют социальная справедливость, свобода и безопасность, способствующие экономическому росту и автоматической экономической стабилизации.

Противники внедрения базового дохода считают его утопией, поскольку он ранее никогда не осуществлялся, что он невозможен из-за огромных необходимых средств, что приведет к демонтажу государства благосостояния, а также будет отвлекать внимание от проведения прогрессивной экономической политики, например полной занятости, что глупо давать деньги как бедным, так и богатым, что базовый доход даст людям что-то за ничегонеделание, что люди потратят больше денег на такие вредные привычки, как алкоголь и табачные изделия, что базовый доход уменьшит стимул трудиться, снизит занятость и производительность труда в обществе, а также заработную плату, приведет к усилению инфляции, и иммиграции из стран с более низкими доходами, а также будет использоваться правительствами перед очередными выборами для привлечения масс избирателей. В конечном счете вообще исчезнет необходимость трудиться, что лишит человеческую деятельность ее смысла и приведет к закату человеческой цивилизации. Утверждается также, что, хотя базовый доход является ответом в случае массовой технологической безработицы, пока в этом нет еще потребности [Basically flawed; Sighing for paradise to come].

Повышенный интерес к идее базового дохода в Европе появился как результат кризиса социальной модели во многих странах континента, которой все сложнее приспособиться к существующим условиям. Имеются различные подходы к базовому доходу. Некоторые полагают, что базовый доход должен вытеснить действующие социальные программы. Есть и такие сторонники этой системы, которые рассматривают базовый доход как дополнение к существующим выплатам.

При возможном резком росте технологической безработицы этим должны были бы в первую очередь обеспокоиться передовые промышленно развитые страны. Поэтому обратим внимание на то, как они реагируют на эту «угрозу».

Эксперименты с безусловным базовым доходом в развитых странах

В последние годы на волне интереса к введению безусловного базового дохода во многих странах проводились различные пилотные эксперименты в этой области. Наиболее интересен был эксперимент с безусловным базовым доходом в Финляндии.

В Финляндии о безусловном базовом доходе говорили последние десять лет, опасаясь, что из-за роботизации производства и использования искусственного интеллекта в перспективе значительное число людей лишится работы. Цели при проведении эксперимента в Финляндии были следующими: поскольку из-за автоматизации уменьшится количество рабочих мест, то универсальный базовый доход стимулирует инновации, креативность и главное – вынудит людей идти на временную контрактную работу, что в итоге увеличит мобильность рабочей силы и повысит ее эффективность. Основной целью эксперимента было стимулирование занятости [Kangas 2016].

Согласно классическому определению, безусловный базовый доход – это регулярная выплата определенной суммы денег каждому члену сообщества без проверки материального положения или необходимости выполнения работы. Однако проводившийся эксперимент с базовым доходом в Финляндии не полностью соответствовал этому определению.

Во-первых, в нем участвовали только безработные. Чистая сумма выплат равнялась 560 евро в месяц. Это меньше официального прожиточного минимума, который составляет 1190 евро, но примерно равно базовому пособию по безработице, которое после вычета налогов составляет 500–700 евро. Недовольство граждан Финляндии в связи с получением пособия по безработице выражается в том, что оно каждый месяц влечет за собой бумажную волокиту. Для получения пособия в полном объеме человек не должен зарабатывать в месяц больше 300 евро. Если же доход окажется несколько больше, то пособие составит лишь 50% от заработанной суммы. Но и это пособие получить не просто. Требуется представить дополнительную заявку, предварительно задекларировав каждый случай получения дохода. В результате часто задерживается выплата средств из-за продолжительной обработки данных. В случае же безусловного базового дохода не надо ничего декларировать, а сумма выплат неизменна.

Во-вторых, участники эксперимента продолжали получать пособия из других систем поддержки. Власти решили сфокусировать внимание на безработных для того, чтобы понять, стимулирует ли безусловный базовый доход трудоустройство.

Эксперимент по выплате безусловного базового дохода проводился в Финляндии в 2017–2018 гг. По сути, это пособие по безработице, только не

отменяемое государством. Первые наброски этого эксперимента возникли в 2015 г. Тогда безработица в Финляндии составляла около 10%. Сначала было запланировано выдавать 800 евро в месяц всем, без учета уровня доходов и наличия работы. Однако такое предложение Главного управления социального обеспечения Финляндии (KELA) не прошло из-за ограничений в бюджете. В конечном счете KELA получила разрешение на денежные выплаты лишь для отобранных с помощью лотереи группы людей в количестве 2000 человек, которые были безработными, малоимущими в возрасте от 25 до 58 лет. Эти отобранные люди получали 560 евро в месяц. Выплата средств не прекращалась, если они находили работу. На эксперимент было выделено 20 млн евро.

Эксперимент предполагал, что при наличии гарантированного дохода безработные скорее примут предложения трудиться на малопrestiжных и низкооплачиваемых рабочих местах. Этот эксперимент по использованию принципиально иной формы социального обеспечения должен был выяснить, можно ли этим способом увеличить занятость, снизить бедность и упростить сложившуюся со временем систему социального обеспечения, т.е. в итоге заменить бюрократическую и сложную систему предоставления социальных выплат.

Уже промежуточные результаты эксперимента по итогам первого года оказались обратными ожидаемым. Запросы получателей базового дохода только увеличились. Они заявляли, что не собираются соглашаться на любую предложенную работу и высказывали все больше требований. Как для работодателей, так и профсоюзов такой, хоть и предварительный итог, оказался неожиданным и неприятным результатом.

Окончательные итоги выглядели так: небольшой эффект для занятости, но хорошее психологическое воздействие. Регулярная материальная помощь населению в Финляндии не привела к ожидаемому росту занятости – этот показатель улучшился только в семьях с детьми. «Получатели основного дохода были более удовлетворены своей жизнью и испытывали меньше умственного напряжения, чем контрольная группа, не получавшая безусловных денег. У них также было более позитивное восприятие их экономического благосостояния», – говорилось в официальном сообщении [В Финляндии].

Неудивительно то, что первой такой эксперимент провела именно Финляндия. Богатая страна ЕС с одними из самых высоких в мире социальными расходами была подходящим местом для проведения таких экспериментов. Однако не все пошло, как ожидали. Экономисты отметили, что «бесплатные» средства оказались фактически пособием по безработице и в предложенном варианте базового дохода не оказалось по существу ничего нового. Говорилось и о том, что эксперимент с безусловным базовым доходом не был нацелен на уменьшение бедности или сокращение неравенства. Его главной целью являлось «содействие занятости». Однако такой взгляд противоречит

самой идее «универсальности» базового дохода. Более того, 560 евро для Финляндии были весьма малой суммой, что не позволяло преодолеть бедность. Самые бедные финские граждане получают примерно 2100 евро в месяц. В марте 2018 г. Организация экономического сотрудничества и развития опубликовала доклад, согласно которому базовый доход в Финляндии работать не будет, а новая система приведет к росту бедности в стране [подробнее см.: Волков 2020].

Итого: финны потратили два года и 26 880 000 евро (2000 x 560 x 24) на то, чтобы выяснить заранее очевидный факт: подачка от государства никак не способствует развитию человека, обретению им работы или превращению его хобби в бизнес.

Финский эксперимент ценен тем, что был единственным в своем роде на общегосударственном уровне. В Швейцарии в июне 2016 г. прошел референдум о введении безусловного базового дохода для граждан. 76,9% голосовавших выступили против ежемесячных выплат в размере предполагавшихся 2500 франков для взрослых и 625 франков детям [Van Parijs, Vanderborght 2017, p. 173]. При этом менее 20% участвующих в референдуме поддержали это предложение в сельской местности, а в городах эта доля была выше: например, 35% в Женеве и свыше 54% в Цюрихе [Standing, 2017, p. 254]. По мнению авторов идеи, отсутствие необходимости зарабатывать на пропитание должно было помочь людям раскрыть свой творческий потенциал. Противники указывали на финансовые трудности в его осуществлении. Оппоненты, включая правительство Швейцарии, во время кампании использовали аргумент о том, что базовый доход стимулирует иммиграцию из развивающихся стран, что, по мнению наблюдателей, и привело к негативному итогу голосования. По оценкам, правительство должно было выплачивать своим гражданам ежегодно примерно 208 млрд франков. Треть суммы выделялась бы из бюджета и требовала бы урезания социальных выплат. Еще две трети были бы получены за счет увеличения налогов.

В Германии предполагается, что с весны 2021 г. 120 немцев будут ежемесячно получать базовый доход в размере 1200 евро сроком на три года. Цель эксперимента – понять экономические эффекты от наличия базового дохода у населения.

Достаточно большое количество экспериментов было проведено или запланировано на негосударственном уровне. Так, во второй половине 2016 г. ряд нидерландских муниципалитетов во главе с Утрехтом, Гронингеном, Тилбургом и Вагенингеном разработали планы различных форм экспериментов с базовым доходом. Эта идея получила одобрение со стороны центрального правительства страны. В сентябре 2016 г. правительство заявило, что оно может начать пилотный эксперимент продолжительностью два года с января 2017 г. не более чем в 25 муниципалитетах с числом участников около

22 тыс. человек. Однако условия проведения эксперимента были жесткими, поэтому к началу 2017 г. запланировали проведение эксперимента лишь восемь муниципалитетов. Остальные ожидали результатов всеобщих парламентских выборов, проводившихся в марте 2017 г. Однако пилотные эксперименты, которые должны были быть запущены с января 2017 г., не могли протестировать что-то близкое к базовому доходу, поскольку правительство навязало муниципалитетам свою собственную концепцию, разделив всех участников на шесть групп.

В Испании эксперимент проводился в Барселоне. Неоднократно откладывавшийся эксперимент с базовым доходом продолжительностью три года был намечен с 2018 г. в провинции Онтарио в Канаде. Он считался крупнейшим, но был свернут, так и не начавшись, раньше срока, по мнению властей, из-за отсутствия результата. Подобные проекты на частные деньги реализуются в США.

Вообще с 2016 г. в нескольких странах политические партии и движения предлагали провести пилотные эксперименты с базовым доходом. За базовый доход высказывались представители Лейбористской партии Великобритании, правящей Шотландской национальной партии, оппозиционной Лейбористской партии Новой Зеландии, нескольких партий Германии и Италии, некоторых городов США, исландской Пиратской партии и др.

Идея безусловного базового дохода получила дополнительное ускорение в 2020 г. в результате введения безусловных денежных выплат для борьбы с негативными последствиями пандемии коронавируса (экстренный базовый доход), которые выплачивались в течение ограниченного периода времени до стабилизации экономики [см.: Квашнин 2020]. Так, с апреля 2020 г. в Испании в условиях пандемии коронавируса 850 тыс. семей (2300 тыс. человек) выплачивались так называемые вертолетные деньги в размере от 462 до 1015 евро в месяц.

Цена вопроса

Большая часть экономистов пока относится к внедрению базового дохода достаточно скептически. Ни одна страна в мире еще не решилась ввести базовый доход для всех граждан. Во-первых, с финансовой точки зрения это практически невозможно даже в наиболее богатых странах. Во-вторых, введение базового дохода не ассоциируется у многих с принципами социальной справедливости.

Одна из самых больших проблем универсального базового дохода состоит в определении минимальной суммы, при получении которой люди могут не работать. Обычно считается, что она составляет примерно 1000 долл. в месяц. Для большинства стран соответствующие выплаты обойдутся от 5 до 35% ВВП.

Так, если бы все граждане Финляндии получали безусловный базовый доход в размере 560 евро, дополнительные социальные расходы составили бы около 5% ВВП. Это много даже с учетом того факта, что на социальные расходы Финляндии идет около 30% ВВП. Т. Харфорд подсчитал, что если базовый доход в Великобритании составит 10 ф. ст. в день, то такие выплаты составят 234 млрд ф. ст. в год для 64 млн местных жителей, т.е. эта сумма будет в основном выплачена за счет всех расходов на социальное страхование, составлявших 217 млрд ф. ст. [Harford, 2016]. В Новой Зеландии было подсчитано, что пропорционального налога в 30% будет достаточно для того, чтобы выплачивать базовый доход взрослым в размере 11 000 новозеландских долл. в год и молодежи в возрасте 18–20 лет – 8500 долл. [Morgan, Guthrie, 2011]. Для США Э. Стерн подсчитал, что для того, чтобы каждый взрослый получал основной доход в размере 1000 долларов в месяц, что примерно равно федеральному уровню бедности, необходимо 2,7 трлн долл. в год, что составляло 15% от ВВП [Stern, 2016].

В России в 2020 г. председатель партии «Единая Россия» Дмитрий Медведев выступил с еще одной инициативой на партийном совещании по социальным проектам – ввести в России базовый гарантированный доход [Уйти на базы]. По подсчетам «Новой газеты», если базовый доход установить на уровне 10 тыс. руб., или примерно 100 евро в месяц, то за месяц надо выплатить 145 млн гражданам в России 14,5 млрд евро, а за год – 174 млрд евро. При этом расходы государственного бюджета в Российской Федерации в 2020 г. составили 20 трлн руб., или около 200 млрд евро [Деньги в руки]. Таким образом, безусловный базовый доход поглотит почти весь бюджет России со всеми его статьями.

Таким образом, цена борьбы с возможной значительной технологической безработицей и бедностью слишком высока даже для самых развитых стран. Внедрение безусловного базового дохода слишком затратный шаг, и государство будет ограничивать свою финансовую ответственность в тех сферах, которые могут быть решены компаниями за свой счет. В качестве единственного средства имплементации всеобщего базового дохода может быть совершенный отказ государства от финансирования социальных программ. По мнению экономистов Всемирного банка, идея безусловного базового дохода проигрывает в эффективности почти всем альтернативным вариантам по борьбе с бедностью. Даже при возможном росте технологической безработицы безусловный базовый доход вряд ли будет лучшим ответом.

Библиография

- В Финляндии подвели итоги эксперимента с базовым доходом // РИА новости. 2020. URL: <https://ria.ru/20200506/1571053757.html> (дата обращения: 12.03.2021).
- Волков А.М. Теория и практика базового дохода в ряде северных стран // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 9. С. 48–52.
- Деньги в руки. Тайны и страсти безусловного базового дохода, или О чем не сказал Медведев // *Новая газета*, 2020. № 100. 14 сент. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/13/87066-dengi-v-ruki> (дата обращения: 15.04.2021).
- Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // *Вопросы экономики*. 2017. № 11. С. 70–101.
- Капелюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? Препринт WR3/2020/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2020. 52 с. (WR3: Проблемы рынка труда).
- Квашнин Ю.Д. Базовый доход как ответ на новые экономические вызовы // *Анализ и прогноз*. 2020. № 3. С. 13–23.
- Уйти на базу // *Российская газета*. 2020, № 204 (8258). 10 сент. URL: <https://rg.ru/2020/09/10/vyzhutovich-u-rossii-dostatochno-resurov-chtoby-vvesti-bezuslovnij-bazovuj-dohod.html> (дата обращения: 13.04.2021).
- Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2016. 242 с. (Top Business Awards).
- Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: evidence from US labor markets // *Journal of political economy*. 2020. Vol. 128(6). P. 2188–2244.
- Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers N 189. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development. 2016. 34 p.
- Berg A., Buffie E.F., Zanna L.-F. Robots, growth, and inequality // *Finance and Development*. 2016. 53(3). P. 10–13.
- Bessen J. How Computer Automation Affects Occupations: Technology, Jobs, and Skills. Boston: Boston University School of Law. 2016. 45 p. (Law and Economics Paper N 15–49).
- Deloitte insights. The Fourth Industrial Revolution. At the intersection of readiness and responsibility. 2020. 25 p. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/human-capital/Deloitte_Review_26_Fourth_Industrial_Revolution.pdf (дата обращения: 03.04.2021).
- Ford M. Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future. New York: Basic Books. 2015. 61 p.
- Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? Oxford: Oxford Martin School. 2013. 72 p. (Working Paper).
- Gordon R.J. The Rise and Fall of American Growth. Princeton. New York: Princeton University Press. 2016. 784 p.
- Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. New York: Harper Collins. 2017. 264 p.
- Harford T. Could an income for all provide the ultimate safety net? // *Financial Times*. 2016. 29 April. URL: <https://www.ft.com/content/d744965e-0c00-11e6-9456-444ab5211a2f> (дата обращения: 03.04.2021)
- Hecklau F., Galeitzka M., Flachsa S., Kohlb H. Holistic approach for human resource management in Industry 4.0 // *Procedia CIRP*. 2016. N 54. P. 1–6.
- Investing in a 4IR ecosystem of connected and intelligent things... and people. PWC. 2018. URL: <https://www.pwc.com/us/en/library/4ir-ready/investment.html> (дата обращения: 03.04.2021).
- Kangas O. From Idea to Experiment: Report on Universal Basic Income Experiment in Finland. Helsinki: KELA, 2016. 62 p. (Working Paper 106).
- Mason P. Postcapitalism: A Guide to Our Future. London: Allen Lane. 2015. 271 p.

Morgan G., Guthrie S. *The Big Kahuna: Turning Tax and Welfare in New Zealand on Its Head*. Auckland: Public Interest Publishing. 2011. 343 p.

Morgan J. Will we work in twenty-first century capitalism? A critique of the fourth industrial revolution literature // *Economy and Society*. 2019. Vol. 48. P. 371–398.

Rainie L., Anderson J. *The Future of Jobs and Jobs Training*. PEW research center. 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2017/05/03/the-future-of-jobs-and-jobs-training/> (дата обращения: 10.04.2021).

Basically flawed. Proponents of a basic income underestimate how disruptive it would be // *The Economist*. 2016. 4 June. P. 12.

Sighing for paradise to come // *The Economist*. 2016. 4 June. P. 21–24.

Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respon*. 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (дата обращения: 04.04.2021).

Smith A., Anderson J. *AI, Robotics, and the Future of Jobs*. PEW research center. 2014. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2014/08/06/future-of-jobs/> (дата обращения: 11.04.2021).

Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. London: Verso. 2016. 272 p.

Standing G. *The Precariat: The Dangerous New Class*. London: Bloomsberry Academic. 2011. 209 p.

Standing G. *The Corruption of Capitalism: Why Rentiers Thrive and Work Does Not Pay*. London: Biteback. 2017. 368 p.

Standing G. *Basic Income: And How We Can Make It Happen*. London: Penguin Random House. 2017. 400 p. (A Pelican Introduction).

Stern A. Raising the Floor: How a Universal Basic Income Can Renew Our Economy and Rebuild the American Dream // *European Journal of Risk Regulation*. 2017. Vol. 8. Special Issue 4. P. 811–813.

Summers L.H. Economic Possibilities for Our Children // *NBER Reporter*. 2013. N 4. P. 1–6.

Van Parijs P., Vanderborght Y. *Basic income: a radical proposal for a free society and a sane economy*. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press. 2017. 400 p.

References

Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: evidence from US labor markets // *Journal of political economy*. 2020. Vol. 128(6). P. 2188–2244.

Arntz M., Gregory T. Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers N 189*. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development. 2016. 34 p.

Basically flawed. Proponents of a basic income underestimate how disruptive it would be // *The Economist*. 2016. 4 June. P. 12.

Berg A., Buffie E.F. and Zanna L.-F. Robots, growth, and inequality // *Finance and Development*. 2016. 53(3). P. 10–13.

Bessen J. *How Computer Automation Affects Occupations: Technology, Jobs and Skills*. Boston: Boston University School of Law. 2016. 45 p. (Law and Economics Paper N 15–49).

Deloitte insights. *The Fourth Industrial Revolution. At the intersection of readiness and responsibility*. 2020. 25 p. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/human-capital/Deloitte_Review_26_Fourth_Industrial_Revolution.pdf

Den'gi v ruki. Tajny i strasti bezuslovnogo bazovogo dohoda, ili O chem ne skazal Medvedev [Money in hand. The secrets and passions of an unconditional basic income, or what Medvedev did

not say] // Novaya gazeta [New Newspaper]. 2020. N 100. 14 sept. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2020/09/13/87066-dengi-v-ruki> (date of access: 15.04.2021). (In Russ.)

Ford M. Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future. New York: Basic Books. 2015. 61 p.

Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? Oxford: Oxford Martin School. 2013. 72 p. (Working Paper).

Gordon R.J. The Rise and Fall of American Growth. Princeton. New York: Princeton University Press. 2016. 784 p.

Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. New York: Harper Collins. 2017. 264 p.

Harford T. Could an income for all provide the ultimate safety net? Financial Times. 2016. 29 April. URL: <https://www.ft.com/content/d744965e-0c00-11e6-9456-444ab5211a2f>

Hecklaue F., Galeitzka M., Flachsa S., Kohlb H. Holistic approach for human resource management in Industry 4.0. Procedia CIRP. 2016. N 54. P. 1–6.

Investing in a 4IR ecosystem of connected and intelligent things... and people. PWC. 2018. URL: <https://www.pwc.com/us/en/library/4ir-ready/investment.html> (дата обращения: 03.04.2021).

Kangas O. From Idea to Experiment: Report on Universal Basic Income Experiment in Finland. Helsinki: KELA, 2016. 62 p. (Working Paper 106).

Kapelyushnikov R.I. Tekhnologicheskij progress – pozhiratel' rabochih mest? [Is technological change a devourer of jobs?] // Voprosy ekonomiki [Economic issues]. 2017. N 11. P. 70–101. (In Russ.)

Kapelyushnikov R.I. Universal'nyj bazovyj dohod: est' li u nego budushchee? [Universal basic income: does it have future?] Preprint WR3/2020/04. Moscow: High School of Economics, 2020. 52 p. (WR3 Problemy rynka truda [Labor market problems]). (In Russ.)

Kvashnin Yu.D. Bazovyj dohod kak otvet na novye ekonomicheskie vyzovy [Basic Income as a Response to New Economic Challenges] // Analiz i prognoz [Analysis and forecast]. 2020. N 3. P. 13–23. (In Russ.)

Mason P. Postcapitalism: A Guide to Our Future. London: Allen Lane. 2015. 271 p.

Morgan G., Guthrie S. The Big Kahuna: Turning Tax and Welfare in New Zealand on Its Head. Auckland: Public Interest Publishing. 2011. 343 p.

Morgan J. Will we work in twenty-first century capitalism? A critique of the fourth industrial revolution literature. Economy and Society. 2019. Vol. 48. P. 371–398.

Rainie L., Anderson J. The Future of Jobs and Jobs Training. PEW research center. 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2017/05/03/the-future-of-jobs-and-jobs-training/> (дата обращения: 10.04.2021).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respon. 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (дата обращения: 04.04.2021)

Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya [The fourth industrial revolution]. Moscow: EKSMO, 2016. 242 p.

Sighing for paradise to come // The Economist. 2016. 4 June. P. 21–24.

Smith A., Anderson J. AI, Robotics, and the Future of Jobs. PEW research center. 2014. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2014/08/06/future-of-jobs/> (дата обращения: 11.04.2021).

Smicek N., Williams A. Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work. London: Verso. 2016. 272 p.

Standing G. Basic Income: And How We Can Make It Happen. London: Penguin Random House. 2017. 400 p. (A Pelican Introduction).

Standing G. The Corruption of Capitalism: Why Rentiers Thrive and Work Does Not Pay. London: Biteback. 2017. 368 p.

Standing G. The Precariat: The Dangerous New Class. London: Bloomsberry Academic. 2011. 209 p.

Stern A. Raising the Floor: How a Universal Basic Income Can Renew Our Economy and Rebuild the American Dream. *European Journal of Risk Regulation*. 2017. Vol. 8. Special Issue 4. P. 811–813.

Summers L.H. Economic Possibilities for Our Children // *NBER Reporter*. 2013. N 4. P. 1–6.

Ujti na bazu [Go to base] // *Rossijskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2020. N 204 (8258). 10 Sept. URL: <https://rg.ru/2020/09/10/vyzhutovich-u-rossii-dostatochno-resursov-chtoby-vvesti-bezuslovnyj-bazovyj-dohod.html> (date of access: 13.04.2021). (In Russ.)

V Finlyandii podveli itogi eksperimenta s bazovym dohodom. [In Finland, the results of the experiment with basic income were summed up] // *RIA Novosti* [RIA News]. 2020. URL: <https://ria.ru/20200506/1571053757.html> (date of access: 12.03.2021). (In Russ.)

Van Parijs P., Vanderborght Y. *Basic income: a radical proposal for a free society and a sane economy*. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press. 2017. 400 p.

Volkov A.M. Teoriya i praktika bazovogo dohoda v ryade severnyh stran [Basic Income in Some Nordic Countries: Theory and Practice] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2020. T. 64. N 9. P. 48–52. (In Russ.)